

«Исламское государство» как проблема безопасности России

ХАРАКТЕР И МАСШТАБ УГРОЗЫ

ПОНАРС Евразия
Аналитическая записка № 393
Декабрь 2015

Екатерина Степанова¹
Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО РАН)

С конца 2000-х гг. вопрос о связи между Северным Кавказом и транснациональным джихадистским движением стал постепенно выпадать из фокуса международного внимания. Однако к середине 2010-х гг. эта проблема вновь обострилась – уже в основном в связи с присутствием выходцев из России в рядах «Исламского государства Ирака и Леванта». Политика России в отношении «Исламского государства» (ИГ) диктуется комплексом самых разных интересов, в том числе связанных с ее подходами к сирийскому урегулированию, а также с тяжелым кризисом в ее отношениях с Западом. Тем не менее, эта политика в определенной мере отражает и обеспокоенность России связанными с ИГ внутривнутриполитическими угрозами, особенно с учетом того, что большая часть сильно фрагментированного вооруженного подполья на Северном Кавказе уже «присягнула на верность» ИГ. Возвращение части боевиков-джихадистов с Ближнего Востока также может стать новой подпиткой вооруженного радикального исламизма на Северном Кавказе и дополнительным фактором, усложняющим ситуацию в этом регионе. Наконец, этот процесс может создать определенные проблемы безопасности для России и за пределами ее северокавказского региона.

Россия и «Исламское государство»

С 2011 г. терроризм радикально-исламистского толка на Северном Кавказе демонстрировал устойчивую тенденцию к снижению. В одном только 2014 г. уровень

---

¹ Екатерина Степанова – руководитель Группы по исследованию проблем мира и конфликтов и ведущий научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН; профессор РАН.

вооруженного насилия в регионе упал вдвое. Однако в последнее время внимание в регионе вновь возросло в связи с притоком боевиков с Северного Кавказа и радикалов из других российских регионов в Сирию и Ирак, вступивших в ряды ИГ и других вооруженных радикально-исламистских группировок.

С одной стороны, ряд наблюдателей склонны непропорционально сильно преувеличивать роль северокавказских боевиков в ИГ. Однако среди иностранных боевиков в составе ИГ преобладают выходцы из стран Ближнего Востока и других мусульманских стран, и даже число джихадистов из стран Западной Европы превышает число выходцев из России. Более того, значительную часть так называемых северокавказцев или чеченцев в составе ИГ на самом деле составляют боевики-эмигранты северокавказского происхождения из Турции, других ближневосточных стран, государств Южного Кавказа и Европы.

С другой стороны, в последнее время набирала силу и обратная тенденция – склонность к недооценке реальной обеспокоенности Москвы опасностью со стороны ИГ для самой России или, по крайней мере, сомнению в ее искренности в этом вопросе. Такая оценка была типичной для интерпретаций непривычно высокой дипломатической активности России, которая уже в течение нескольких лет делала упор на опасности, исходящей от джихадистских группировок в сирийско-иракском контексте, а также резкого качественного скачка в поддержке Россией Сирии и Ирака в военной сфере и в области безопасности, включая начало операции военно-космических сил РФ в Сирии в конце сентября 2015 г.

В целом, не стоит недооценивать важность внутривосточных аспектов проблемы ИГ как фактора формирования политики Москвы как в отношении ИГ, так и на Ближнем Востоке в целом – как не следует и переоценивать сверх всякой меры тот реальный масштаб угрозы, которая исходит от ИГ для безопасности России. «Исламское государство», безусловно, представляет собой определенный вызов российской безопасности, но у этого вызова есть свои пределы.

«Умиротворение» Северного Кавказа

С конца 2000-х гг., после второй чеченской войны, влияние транснационального радикального исламизма в России находилось на спаде, а большинство иностранных джихадистов, ранее воевавших на стороне антиправительственных формирований на Северном Кавказе, переключились на другие конфликтные зоны. В последующие

годы – вплоть до недавнего времени – какого-либо существенного нового притока иностранных боевиков в регион не наблюдалось. В 2012 г., по оценке специального представителя президента РФ в Северокавказского федеральном округе Александра Хлопонина,² лишь десятая часть финансирования вооруженной активности в регионе поступала из зарубежных источников.

Этот спад влияния транснационального радикального исламизма не просто совпал по времени, но и в значительной мере стал результатом постепенного «умиротворения» Чечни. В свою очередь, процесс «замирения» в Чечне стал следствием совокупности трех основных факторов: глубокого раскола внутри самого повстанческого движения между джихадистами и местными традиционалистами этноконфессионального толка, формирования в результате этого раскола феномена чеченских сил антиджихадистской направленности и их переход на сторону федерального центра, а также поддержка этих усилий со стороны российского правительства в русле так называемой политики чеченизации, а также путем массированного вливания финансовых средств на восстановление республики. В результате России удалось свести чеченскую проблему к относительно периферийной, хотя это и обошлось ей дорогой ценой с точки зрения затраченных усилий в области безопасности, финансовых ресурсов, политико-административных издержек, проблем с соблюдением прав человека и т. п. Федеральному центру также пришлось смириться с определенными расхождениями между чеченскими порядками и общеправовым полем Российской Федерации и предоставить Чечне высокую степень суверенитета в рамках автономии.

Умиротворение в Чечне также сопровождалось распространением насилия низкой интенсивности в масштабах более широкого региона. В то время как в самой Чечне уровень насилия снизился и оно приняло вялотекущий или затухающий характер, центр тяжести региональной конфликтности сместился в другие республики Северного Кавказа. Хотя современные проявления вооруженного насилия в разных точках северокавказского региона фрагментарны и гораздо менее смертоносны и интенсивны, чем чеченские войны 1990-х и 2000-х гг., это насилие носит более расплывчатый, нелинейный и трудноуловимый характер и имеет тенденцию к периодическому возобновлению.

С точки зрения политики безопасности, главным ответом России на фрагментарное вооруженное насилие на Северном Кавказе стала стратегия его устойчивого

---

² http://www.ng.ru/regions/2012-11-20/1_rezerv.html

сдерживания на уровне сравнительно низкой интенсивности. Любая более резкая и решительная стратегия по «полной и окончательной» зачистке вооруженного подполья такого типа была бы слишком затратным делом и даже могла бы иметь определенный контрпродуктивный эффект, учитывая нерешенность ряда глубинных причин нестабильности и сохраняющихся проявлений насилия на Северном Кавказе. Эти причины включают глубоко укоренившиеся проблемы в системе государственного управления в регионе, связанные с преобладанием патронажно-клиентских отношений, недостаточную степень интеграции региона в Российскую Федерацию, высокий даже по российским меркам уровень коррупции и проблемы социально-экономического развития (даже с учетом возникновения некоторых «точек» экономического роста и развития в разных частях региона). На решение всех этих фундаментальных проблем требуются десятилетия.

Северный Кавказ и «Исламское государство»

В этих условиях Россия кровно заинтересована в том, чтобы достигнутая с таким трудом и такой высокой ценой определенная стабилизация ее северокавказского региона не была подорвана или повернута вспять какими-либо новыми дестабилизирующими факторами и элементами. На сегодняшний день главными среди них (хотя и не единственными) являются транснациональные факторы, связанные, прежде всего, с сирийско-иракской конфликтной зоной и особенно с феноменом ИГ.

В отношении Северного Кавказа эти факторы представляют собой угрозы безопасности нескольких типов. Вплоть до конца 2015 г. наиболее актуальным вызовом оставался продолжавшийся приток в Сирию и Ирак боевиков с Северного Кавказа и, в меньшей степени, из других регионов России. Боевики северокавказского происхождения появились в Сирии в составе радикально-джихадистской группировки «Джабхат ан-нусра» и других еще до того как «Исламское государство в Ираке» распространило свою вооруженную активность на территорию Сирии и поменяло свое название на «Исламское государство Ирака и Леванта» в 2013 г. С тех пор вооруженных исламистов из России в Сирии и Ираке стало больше, а их активность возросла, в том числе и все чаще в составе группировок, вошедших в состав или заявивших о своей лояльности ИГ, включая «Джейш аль-мухаджирин валь-ансар» («Армия мигрантов и сторонников»).

К данным о численности таких боевиков следует относиться весьма осторожно, однако общая тенденция сомнений не вызывает. По официальным российским данным, число

боевиков из России возросло от 300–400 в Сирии³ (в сентябре 2013 г.) до 800 в Сирии и Ираке в 2014 г. и 1700 в Ираке⁴ в начале 2015 г. Только за 2015 г. был пресечен выезд около 100 российских граждан для участия в вооруженных действиях на Ближнем Востоке на стороне радикальных исламистов.⁵ На сентябрь 2015 г. число россиян, воюющих на стороне радикальных исламистов в Сирии и Ираке, достигало уже 2400 человек.⁶ По разным данным, среди боевиков из России число джихадистов из самой Чечни могло составлять от 150 (по экспертным данным на начало 2015 г.)⁷ до 484 человек (по данным главы Чечни Р.Кадырова на ноябрь 2015 г.).⁸

ИГ нуждается в северокавказских боевиках, прежде всего, благодаря их навыкам и опыту в области вооруженной борьбы, а также в силу их относительной автономности (свойственной также другим иностранным джихадистам) от местным кланов и интересов, что повышает оперативную мобильность и гибкость таких формирований. В свою очередь, боевиков с Северного Кавказа привлекала в ИГ перспектива борьбы «на переднем крае» глобального джихада во имя самопровозглашенного «Исламского халифата», создавшего значительную территориальную и финансовую базу и успешно противостоявшего ослабленным или нефункциональным государствам в ключевом мусульманском регионе мира. Это составляло резкий контраст с их прежним существованием в качестве маргинального подполья, под жестким прессингом со стороны сил безопасности на периферии крупного и функционального государства, в котором мусульмане составляют меньшинство.

Образ ИГ стал привлекательным не только для боевиков-джихадистов. Помимо того, что ИГ является одной из самых смертоносных террористических организаций в мире (а в 2014 г. лидировала по этому показателю), это движение представляет собой еще и беспрецедентный эксперимент по строительству государства и общества радикально-исламистского типа. Цель ИГ – не только осуществлять функции базового управления, но и стать своеобразным транснациональным миграционно-переселенческим проектом. «Халифат должен быть населен» и рекламируется как «земля обетованная» для всех недовольных и униженных мусульман, включая гражданских лиц, женщин, семей.

---

³ http://ria.ru/arab_riot/20130920/964662999.html

⁴ <http://www.themoscowtimes.com/article.php?id=516282>

⁵ <http://www.kommersant.ru/doc/2887223>

⁶ http://soufangroup.com/wp-content/uploads/2015/12/TSG_ForeignFightersUpdate1.pdf

⁷ http://www.ng.ru/ideas/2015-03-06/5_crisis.html

⁸ <http://www.rbc.ru/politics/08/12/2015/5666dd9e9a79477634196207>

Настораживает, что, по некоторым подсчетам, до 15%⁹ всех выходцев с Северного Кавказа на территориях, контролируемых радикальными исламистами в Сирии и Ираке, могут составлять женщины.

Активное участие северокавказских джихадистов, вернувшихся с Ближнего Востока домой, в вооруженном насилии на территории РФ пока еще не стало основной связанной с ИГ проблемой в российском внутривнутриполитическом контексте. В рамках большинства из 48 уголовных дел, открытых в Северокавказском федеральном округе с 2014 г. по март 2015 г. против боевиков-джихадистов, обвинения были выдвинуты за их деятельность в Сирии и Ираке.¹⁰ В конце 2015 г. ФСБ возбудила уголовные дела по таким обвинениям уже в отношении почти 900 россиян.¹¹

На первом этапе более серьезной проблемой стала распространявшаяся среди местных полевых командиров и мини-джамаатов (ячеек) вооруженного подполья на Северном Кавказе тенденция заявлять о своей поддержке и приверженности ИГ. Пока эта тенденция имела достаточно противоречивые последствия. Так, среди прочего, она стимулировала новые расколы и виток борьбы за влияние внутри основной повстанческо-террористической сети в регионе, известной как «Эмират Кавказ». Прежнее и нынешнее руководство «Эмирата» даже высказывало свою озабоченность оттоком боевиков из региона в Сирию и Ирак, заявляя о том, что это лишает местное вооруженное подполье людских ресурсов (и, стоит добавить, ослабляет их собственное влияние и контроль). Такие внутренние расколы способствовали дальнейшему ослаблению тех фигур и формирований, которые сохранили лояльность «Эмирату Кавказ», и облегчили властям ликвидацию в апреле 2015 г. нового лидера «Эмирата» Али Абу Мохаммада ад-Дагестани (в миру – Алиасхаба Кебекова), пришедшего на смену основателю «Эмирата» Доку Умарову после подтвердившихся сведений о гибели последнего. Впрочем, само по себе объявление теми или иными группировками и командирами о своей лояльности ИГ отнюдь не означает отсутствия или прекращения внутренних трений и расколов уже между ними.

Несмотря на то, что массовое возвращение боевиков-джихадистов северокавказского происхождения и возобновление ими вооруженной активности уже на территории Российской Федерации пока остается, скорее, перспективой, чем реальностью, этот сценарий служит предметом острого беспокойства, с точки зрения обеспечения

⁹ http://www.ng.ru/ng_politics/2015-06-02/14_islam.html

¹⁰ <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/258803>

¹¹ <http://www.kommersant.ru/doc/2887223>

безопасности России. Хотя обычно почти автоматически подразумевается, что такие «возвращенцы» будут стремиться вернуться именно на Северный Кавказ и попытаются вдохнуть новую жизнь в вооруженное подполье в этом регионе, следует подчеркнуть, что избранная федеральным правительством стратегия жесткого сдерживания, а также силовое давление со стороны региональных властей существенно ограничивают возможный дестабилизационный потенциал такого «обратного притока».

За пределами Северного Кавказа

Влияние и пропаганда ИГ прослеживается в России и за пределами Северного Кавказа. Хотя среди боевиков из России в Сирии и Ираке преобладают выходцы с Северного Кавказа, среди них есть и радикально настроенные мусульмане с Поволжья¹² и Урала, а также из других регионов. В этом проявляется относительно недавний феномен, который, возможно, еще и не стал полноценной тенденцией, но заслуживает пристального внимания в виду новых транснациональных веяний, влияний и связей радикальных исламистов в России.

Этот феномен заключается в появлении автономных, часто самовозникающих и радикализирующихся исламистских ячеек и отдельных лиц среди российских мусульман несеверокавказского происхождения и даже среди принявших (передших в) ислам русских и представителей других этнических групп, традиционно не исповедующих ислам. Этот процесс затрагивает лишь очень небольшие сегменты значительного коренного мусульманского населения Российской Федерации и, как правило, напрямую не связан с северокавказским контекстом. Редкие более заметные примеры включают рост числа сторонников радикально-исламистской сети «Хизб ут-тахрир» на Урале или преимущественно салафитское татарское село Белозерье в Мордовии. Однако такая радикализация в основном и все чаще затрагивает относительно образованную городскую молодежь из среднего класса, в том числе молодых женщин.

Важно подчеркнуть, что такая радикализация не обязательно и не всегда ведет к насилию, но она создает среду (в том числе онлайн-среду) и своеобразный пул потенциальных будущих добровольцев или рекрутов, готовых к участию в вооруженной активности дома или за рубежом. Часть тех немногих местных исламистов, которые радикализуются до стадии вооруженного экстремизма, еще может

---

¹² <http://www.interfax.ru/russia/447728>

быть связана или действовать совместно с северокавказскими радикалами (например, принявший ислам этнический русский Д.Соколов, организовавший теракт 21 октября 2013 г. в Волгограде). Однако другие вооруженные экстремисты этого типа не имеют прямых связей с северокавказским подпольем. По многим параметрам, эти небольшие радикализирующиеся ячейки в разных регионах России больше напоминают так называемые доморожденные джихадистские ячейки в странах Европы, особенно Западной, чем «лесных братьев» северокавказского подполья.

Радикально-исламистские мини-ячейки, не погруженные в северокавказский контекст (с его продолжающимся конфликтом низкой интенсивности и сильной политической и социокультурной спецификой) даже более склонны мыслить и ощущать себя в надрегиональных и транснациональных категориях и ставить перед собой цели универсалистского характера и проявляют больший интерес к идеологии и повестке дня «глобального джихада». Они зачастую легче поддаются и лучше ориентируются в джихадистской пропаганде, которая все активнее распространяется с помощью современных средств информации и коммуникации и которую ведут более «транснационально-ориентированные» популяризаторы и проповедники джихадизма. В России к этому типу был близок принявший ислам коренной сибиряк Саид Бурятский (убит в 2010 г.), который делал упор на «вещание» на новые аудитории, особенно на пропаганду среди образованной городской молодежи, в том числе молодых женщин.

На этом фоне спрос на потенциальных возвращенцев-джихадистов с Ближнего Востока среди радикально-экстремистских ячеек в других регионах России может быть не меньшим, чем в рядах вооруженного подполья на Северном Кавказе. Как и для их западноевропейских «собратьев» -- и в отличие от северокавказских боевиков – для этих недавно радикализовавшихся экстремистов и мини-ячеек в разных регионах России характерен резкий разрыв между завышенными идеологическими амбициями – и крайней ограниченным опытом и навыками в области ведения вооруженной и террористической деятельности (или вообще отсутствием такового). Именно этот разрыв им могут помочь преодолеть опытные боевики-джихадисты, в случае, если даже немногие из них смогут каким-то образом вернуться с Ближнего Востока в Россию.

Россия и Европа: для кого выше риск?

Мобилизационный потенциал ИГ, в том числе как магнита для иностранных джихадистов, беспрецедентен. Приток боевиков из других стран и регионов в ряды ИГ и других радикально-исламистских группировок в сирийско-иракском ареале уже

превысил¹³ масштаб потока иностранных моджахедов для участия в антисоветском джихаде в Афганистане в 1980-е гг. С одной стороны, логично предположить, что и дестабилизационный эффект от «обратного» потока части связанных с ИГ иностранных джихадистов в свои страны может быть более сильным. Первым крупным свидетельством такого развития событий стали теракты в Париже 13 ноября 2015 г., организованные бельгийским террористом, ранее воевавшим в Сирии. С другой стороны, согласно доступной статистике по боевикам из Западной Европы, вернувшимся в свои страны с различных джихадистских «фронтов», лишь один из девяти таких джихадистов¹⁴ после возвращения домой стал вновь принимать участие в вооруженно-экстремистской деятельности. Хотя эти данные относятся к периоду до подъема ИГ, маловероятно, чтобы это соотношение как-то радикально изменилось в европейском контексте или было кардинально другим для стран Евразии.

Теоретически можно было бы предположить, что этот процент должен быть выше для России хотя бы потому, что, в отличие от стран Запада, в одном из регионов на ее собственной территории продолжается конфликт низкой интенсивности. Однако такое предположение нивелируется другой спецификой российской ситуации. Во-первых, между большинством мусульман в России и Западной Европе существуют фундаментальные различия. Одно из них – в том, что основная часть российских мусульман является коренным населением страны и полностью интегрированной и неотъемлемой частью российского общества. Во-вторых, у России пока есть и некоторые временные преимущества, которые носят преходящий характер, – например, тот факт, что миллионы трудовых мигрантов-мусульман в России, особенно из стран Центральной Азии, пока не подвержены какой-либо серьезной идеологической, политической и/или религиозной радикализации. Это, впрочем, типично для первого поколения трудовых мигрантов, которое обычно полностью поглощено задачей экономического выживания, и в долгосрочном плане положение дел в этой области может измениться, когда встанет вопрос о проблемах интеграции последующих поколений мигрантов в России. Наконец, в целом более жесткая система внутренней безопасности и контроля в Российской Федерации и более твердая и решительная политика по борьбе с экстремизмом должны сами по себе отбить охоту у многих

---

¹³ <http://icsr.info/2015/01/foreign-fighter-total-syriairaq-now-exceeds-20000-surpasses-afghanistan-conflict-1980s/>

¹⁴ http://hegghammer.com/files/Hegghammer_-_Should_I_stay_or_should_I_go.pdf

джихадистов из России как к возвращению на родину, так и к тому, чтобы вернуться к насилию.

Заключение

Возвращение части джихадистов российского происхождения из Сирии и Ирака представляет собой двойной вызов безопасности России. Если часть из них вновь вольется в ряды вооруженного подполья на Северном Кавказе, это может стать еще одним, дополнительным осложняющим и дестабилизирующим фактором в регионе. Однако возвращение даже очень небольшого числа таких боевиков в другие регионы страны за пределами Северного Кавказа может сыграть критическую роль в преодолении радикализирующимися ячейками более универалистского типа пока еще значительного разрыва между их завышенными амбициями и намерениями вести террористическую деятельность – и их реальными возможностями, подготовкой и навыками в этой области. Преодоление такого разрыва может привести к распространению и учащению в России радикально-исламистских терактов нового типа, не связанных с ситуацией на Северном Кавказе. Не меньшее беспокойство вызывает и более широкое идеологическое влияние самого феномена ИГ, которое строится не только на его военных успехах (до недавнего времени) в основном районе базирования на Ближнем Востоке или отлаженной пропагандистской машине, но и на усилиях по построению «физического» «халифата» на конкретной территории *здесь и сейчас*, даже если эта идея привлекает лишь мизерную часть российских мусульман.

**Elliott School of
International Affairs**

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
E U R A S I A ● TO RESEARCH AND
● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2012. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в [Институте исследований Европы, России и Евразии \(IERES\)](#) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. www.ponarseurasia.org